

Неслух

Медведицы строгие матери, а медвежата — неслухи. Пока ещё сосут, сами сзади бегают, в ногах путаются.

А подрастут — беда!

Да и медведицы сами со слабинкой: любят в холодке подремать. А весело ли медвежатам слушать их сонное сопение, когда кругом столько заманчивых шорохов, писков, песен!

От цветка к кусту, от куста к дереву — и забредёт...

Вот такого неслуха, удравшего от матери, я однажды и встретил в лесу.

Я сидел у ручья и макал сухарь в воду. Был я голоден, а сухарь был жёсткий, потому трудился я над ним очень долго, так долго, что лесным жителям надоело ждать, пока я уйду, и они стали вылезать из своих тайников.

Вот вылезли на пенёк два зверька-полчка. В камнях запищали мыши: видно, подрались. И вдруг на поляну выскочил медвежонок.

Медвежонок как медвежонок: головастый, губастый, неловкий.

Увидел медвежонок пенёк, тряхнул курдючком — и боком с подскоком прямо к нему. Полчки в норку, да что за беда! Медвежонок хорошо помнил, какими вкусными вещами угощала его мать у каждого такого пня. Успевай только облизываться!

Обошёл мишка пенёк слева — никого нет. Заглянул справа — никого. Сунул нос в щель — полчками пахнет! Вылез на пенёк, поцарапал пенёк лапой. Пенёк как пенёк.

Растерялся мишка, притих. Оглянулся кругом.

А кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи.

Слез мишка с пня и потрусил дальше. На пути — камень. Повеселел мишка: дело знакомое! Подсунул лапу под камень, упёрся, нажал плечом. Поддался камень, пискнули под ним испуганные мышенята.

Бросил мишка камень да обеими лапами под него. Поторопился — камень упал и придавил мишке лапу. Взвыл мишка, затряс больной лапой. Потом полизал, полизал её да и похрамал дальше.

Плетётся, по сторонам больше не глазеет, под ноги смотрит. И видит — гриб.

Пуглив стал мишка. Обошёл гриб кругом. Глазами видит — гриб, можно съесть. А носом — чует: плохой гриб, нельзя есть! А есть хочется, да страшно!

Рассердился мишка да как треснет по грибу здоровой лапой! Лопнул гриб. Пыль из него фонтаном жёлтая, едкая, да прямо мишке в нос.

Это был гриб-пыхтун. Зачихал мишка, закашлял. Потом протёр глаза, сел на задок и завыл тихо-тихонечко.

А кто услышит? Кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи.

И вдруг — плюх! Лягушка!

Мишка правой лапой — лягушка влево.

Мишка левой лапой — лягушка вправо.

Нацелился мишка, рванулся вперёд и подмял лягушку под себя. Зацепил лапой, вытащил из-под брюха. Тут бы ему и съесть лягушку с аппетитом — первую свою добычу.

А ему — дурачку — только бы играть.

Повалился на спину, катается с лягушкой, сопит, взвизгивает, будто его под мышками щекочут: то подкинет лягушку, то из лапы в лапу перекинет. Играл, играл да и потерял лягушку.

Обнюхал траву кругом — нет лягушки. Так и брякнулся мишка на задок, разинул рот, чтоб заорать, да и остался с открытым ртом: из-за кустов на него глядела старая медведица.

Медвежонок очень обрадовался своей мохнатой мамаше: уж она-то приласкает его и лягушку ему найдёт.

Жалостно скуля и прихрамывая, он потрусил ей навстречу, да вдруг получил такую затрещину, что разом сунулся носом в землю.

Вот так приласкала!

Обозлился мишка, вскинулся на дыбки, рывкнул на мать. Рывкнул и опять покатился в траву от оплеухи.

Видит — плохо дело! Вскочил, и бегом в кусты.

Медведица — за ним.

Долго слышал я, как трещали сучья и как рывкал медвежонок от мамашиних затрещин.
«Ишь, как уму да осторожности его учит!» — подумал я.
Убежали медведи, так меня и не заметили. А впрочем, кто их знает?
Кругом лес, густой, тёмный. В лесу шорохи. Лучше уйти поскорей: ружья-то у меня нету.

